

тами, а то и просто бессюжетные. Он не считает бессюжетность «одним из методов построения советского рассказа». «Рассуждения апологетов «бессюжетного» рассказа, — пишет С. Антонов, — сводятся к тому, что в нашем социалистическом обществе все делается по плану, жизнь наших людей устойчива, цель жизни ясна, необычные события в жизни советского человека — редкая случайность. Поэтому — де современный рассказ с «остро закрученным» сюжетом будет, как правило, фальшивым. Такие рассуждения мне кажутся неверными!». Здесь Антонов открыто выступает против теории бессюжетности — родного дитя теории бесконфликтности.

Через несколько месяцев после этого выступления Антонова газета «Правда» в передовой статье от 7 апреля 1952 г. подвергла принципиальной критике теорию о бесконфликтном развитии советского общества. Эта статья подтвердила, что Антонов был на правильном пути в развитии своего творческого метода, что он с трезвых реалистических позиций оценивал сложные явления нашей действительности. В дальнейшем этот путь привел его к новым, большим достижениям — рассказам «Дедушка» и «Теть Луша», удивительно поэтическим, прочитанным волнующе искренней любовью к рядовым советским людям, написанным в строгой реалистической манере.

А. В. СЕВРЮГИНА,
кандидат филологических наук

КРЕСТЬЯНСКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ РОБЕРТА БЕРНСА

Крестьянская тема в английской литературе зародилась в период больших социально-исторических сдвигов в стране.

«Англия претерпела с середины прошлого века большой переворот, чем какая-либо другая страна. ...В Англии имеет место революция социальная, более объемлющая и захватывающая, чем какая-либо другая»¹, — писал Энгельс об Англии второй половины XVIII в. Именно в этот период в стране наибольших размеров достигает процесс обезземеления, массового разорения крестьян, отнятия у них земли в форме «огораживаний», получивший название аграрного переворота или аграрной революции.

Наиболее многочисленным слоем сельских жителей в Англии до завершения аграрного переворота (вторая половина XVIII в.) был слой, названный Энгельсом «третьим классом землевладельцев»². Это были йомены, владельцы мелких участков, которые они сами обрабатывали обычно старым способом праотцев. Рядом с йоменами стояли мелкие арендаторы, которые, помимо земледелия, занимались еще ткачеством. В распоряжении жителей английской деревни, кроме принадлежащих им наделов, имелись еще неразделенные общинные пахотные земли и угодья: пустоши, пастбища, выгоны, леса.

Развитие овцеводства, в виду бурного роста шерстяной промышленности, требовало земли под пастбища. Поэтому лорды стали захватывать насильно общинные угодья и огораживать их. Новая феодальная знать, по замечанию Маркса, «была дитя своего времени, для которого деньги являлись силой всех сил. Превращение пашни в пастбище для овец стало

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 348, Госиздат, М. Л., 1929.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 356. Госиздат, М. Л., 1929.

лозунгом феодалов»¹. Награбленные общинные и крестьянские владения превращались помещиками в крупные овцеводческие хозяйства, а также использовались для более трудоемких и доходных полевых культур.

Крушение общинного крестьянского землевладения началось в Англии очень рано, как указывает Маркс в «Капитале». Начало этого процесса восходит к последней трети XV в. и к первым десятилетиям XVI в. Насильственная узурпация общинной собственности продолжалась и в XVII в. Однако XVIII в. внес перемену в этот процесс, что и отмечал Маркс, давая оценку аграрным отношениям XVIII столетия. Эта перемена состояла в том, что на смену юридически неоформленных огораживаний XV—XVII вв., в XVIII в. приходят огораживания, ражившие юридическое оформление. Английское буржуазное государство, оформившееся в результате революции XVII в., открыто становится на сторону огораживателей и прикрывает грабеж крестьянства флагом закона.

Грабеж и насилие по отношению к широким народным массам в период становления новой капиталистической Англии наиболее ярко проявились именно во второй половине XVIII в., когда парламентской формой этих грабежей явились «билли об огораживании общинной земли» (Bills for Inclosures of Commons)². Маркс назвал их декретами, «...при помощи которых лэндлорды сами себе подарили народную землю на правах частной собственности...»³, декретами, экспроприирующими народ. Парламентские огораживания второй половины XVIII в. завершили процесс ликвидации английского крестьянства и привели к окончательной экспроприации сельского населения.

Аграрный переворот в Англии протекал в разное время и с разной интенсивностью в отдельных районах страны. Социальной революции подверглись вначале восточная и юго-западная части Англии, затем — центральная, и позднее — Шотландия, где методы экспроприации крестьянства приняли наиболее чудовищные формы⁴.

Во второй половине XVIII в. резко меняется облик английской деревни. Она обезлюдела, а ее огороженные земли превращены в пастбища. Нередки были случаи, когда дома совершенно разрушали, деревни целиком сносились с лица зем-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 723. Госполитиздат, 1950 г.

² Там же, стр. 729.

³ К. Маркс. Капитал, стр. 729, т. I. Госполитиздат, 1950 г.

⁴ Там же, гл. XXIV.

ли, чтобы отвести под овечьи пастбища деревенскую пахотную землю. На картах того времени можно встретить скорбную надпись: «Здесь была деревня». В течение ряда лет исчезли десятки деревень, в недалеком прошлом многолюдных.

Парламентские огораживания второй половины XVIII в. привели к окончательной экспроприации сельского населения, что имело большие последствия для Англии и знаменовало целый исторический переворот в английском землевладении. Место крестьянской собственности заняла собственность капиталистическая. Место многочисленных земельных собственников занял ограниченный круг крупных земельных собственников и зажиточных фермеров.

Социальные сдвиги определили новую эпоху в английском земледелии и позволили Марксу назвать Англию конца XVIII в. не только «крепостью капитализма», но также «крепостью лэндлордизма»¹.

Однако капитализация сельского хозяйства была лишь одной стороной аграрного переворота. Снабжение растущей капиталистической промышленности рабочей силой, высвобождавшейся в результате экспроприации крестьянства, явилось вторым следствием аграрной революции. Только часть обезземеленных крестьян могла найти себе заработок на фермах. Большая же часть крестьян, потерявших землю, уходила в город, образуя резервную армию труда, из которой уже затем рекрутировались кадры постоянных мануфактурных и фабричных рабочих.

Маркс в «Капитале» ссылается на замечание доктора Прайса, который указывает, что мелкие фермеры, раньше существовавшие вместе со своими семьями за счет продукта, получаемого ими на общинной земле, после захвата последней «превращаются в людей, вынужденных добывать себе средства к существованию трудом на других и покупать все, что им нужно, на рынке... Города и мануфактуры будут расти, потому что туда гонят все большее количество людей, вынужденных искать себе заработка»².

Массы народа, лишенные земли и крова, покидали родные края; голод и нищета гнали людей на поиски работы. Тяжелую жизнь британского земледельческого пролетариата в 90-х годах XVIII столетия Маркс назвал прозябанием³. Маркс в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 362. Партиздат, ЦК ВКП(б), 1936 г.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 731. Госполитиздат, 1950 г.

³ Там же, стр. 679.

«Капитале», Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» дали полную характеристику ужасов эксплуатации и обнищания английских трудящихся масс в период крупных социальных сдвигов в стране.

Нищенское положение, в которое все более попадала во второй половине XVIII в. основная масса английского населения, обостряло классовые противоречия в стране. Насильственное ограждение земель встречало резкое сопротивление сельской бедноты. Английское крестьянство бурно реагировало на политику господствующих классов. Разоряемое огораживаниями, оно развешивало аграрное движение против лэндлордов и богатых фермеров, требуя восстановления своих прав на общинные земли. Крестьянские восстания вспыхивали на протяжении всей второй половины XVIII в., перекликались с голодными бунтами, охватившими всю Англию. Именно эти крестьянские восстания имел в виду Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии», когда он писал о восьмидесятилетней социальной войне в английской деревне.

Социально-исторические сдвиги XVIII в., аграрный переворот в стране обусловили становление крестьянской темы в английской литературе. В силу исторического своеобразия развития буржуазных отношений в Англии крестьянство стало первой жертвой социальных и экономических последствий утверждающегося нового общественного строя. Поэтому крестьянская тема в английской литературе XVIII в. тесно связана с проблемой социального неравенства.

Со второй половины XVIII столетия, в связи с завершением аграрного переворота и общим обострением социальных противоречий в стране, жизнь английской деревни резко меняется. Отсюда и различие в ее изображении в поэзии первой и второй половины XVIII века.

Энгельс в статье «Положение Англии — XVIII в» дает яркую характеристику жизни английских крестьян, которую они вели до второй половины XVIII в. Это было «тихое и спокойное.. существование», «без лишнего забот, но и без движения, без общих интересов, без образования, без умственной деятельности»¹.

Исходя из неразвитых социальных отношений в английской деревне первой половины XVIII столетия, поэты-сентименталисты этого периода изображали деревенскую жизнь как не-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 356. Госиздат, М. Л., 1929.

изменное статичное состояние; описание деревни и ее обитателей дано в идиллических тонах (Томсон, Грей).

Со второй половины XVIII в. английская деревня быстро меняет свой облик. Рушатся ее старые, вековые устои. Соответственно с социальными изменениями в английской деревне второй половины XVIII столетия меняется и ее изображение в литературе этого периода. В 70—80-ые годы идиллическое изображение сельской жизни уступает место реалистическим картинам разорения и пауперизации трудящихся масс. По мере развития капиталистических отношений в деревне английская поэзия наполняется более актуальным содержанием; она начинает отражать углубляющиеся противоречия буржуазного общества, насыщается мотивами социальной критики (Гольдсмит, Каупер, Крабб).

Однако, критикуя окружающую действительность, поэты-сентименталисты только скорбели и вздыхали о прошлом. Литературное выражение тоски и горя вместе с идеализацией патриархальной жизни или семейного очага явилось у них (кроме Крабба) своеобразной формой мелкобуржуазного протеста против капиталистической действительности.

В критике капитализма поэты-сентименталисты напоминают швейцарского экономиста Сисмонди, который, как отмечал В. И. Ленин, оплакивал крестьянство, разоряемое новым общественным строем. «...Грусть (Сисмонди. — Л. С.) по поводу разрушения эдема патриархальной тупости и забитости сельского населения»¹ была свойственна и английским поэтам-сентименталистам.

Иным выступает в литературе второй половины XVIII в. замечательный народный поэт Роберт Бернс. Его гневный голос в общем хоре протеста против отвратительной социальной действительности, против нищеты и гнета звучит особенно сильно и страстно, а подчас и грозно. Если поэты-сентименталисты только писали о народе, то голос Бернса явился голосом самого народа. Являясь подлинным представителем эксплуатируемой и угнетаемой массы, Бернс ярко и смело выразил в своем творчестве все ее нужды и чаяния. Поэзия Бернса явилась отражением тех «элементов демократической... национальной культуры», которые, как указывал В. И. Ленин, имеются в каждой национальной культуре.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 206.

Крестьянская тема, зародившаяся в период аграрного переворота и получившая свое выражение в произведениях поэтов-сентименталистов, находит свое дальнейшее развитие в поэзии Бернса.

По своему социальному положению Бернс принадлежал к тому слою сельских жителей, которых Маркс называл в «Капитале» *tenants*—*at will*, мелкими арендаторами, арендовавшими землю погодно. Это была по определению Маркса «толпа людей, рабски приниженных, всецело зависящих от произвола лэндлорда»!

Предки Бернса по замечанию самого поэта в автобиографическом письме к доктору Муру были фермерами-арендаторами. Отец его Вильям Бернс, уроженец горной Шотландии, скитался по стране в поисках заработка; неоднократно он арендовал мизерные участки земли, но каждый раз разорялся.

В период большой социальной ломки в стране это было неизбежным явлением. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» отмечал, что класс крупных арендаторов повысил доходность земли лучшей обработкой и введением более крупного хозяйства. Мелкие же крестьяне, владевшие небольшими участками земли или арендовавшие их, разорялись и вынуждены были оставить свое хозяйство и наняться к крупным арендаторам и землевладельцам в качестве батраков². Семья Бернса, живя в нужде, едва сводя концы с концами, часто переезжала с одной фермы на другую в надежде поправить трудное материальное положение. Но участь мелких арендаторов в период капитализации сельского хозяйства в стране постигла и Вильяма Бернса; он был доведен до полного разорения. Многолетняя борьба за кусок хлеба и каторжный труд земледельца окончательно подорвали силы старого Бернса и в 1784 г. он умирает. Имущество его было захвачено кредиторами, а его самого от тюрьмы избавила только смерть.

Косить, пахать и боронить

Я научился с детства.

И это все, что мой отец

Оставил мне в наследство.

(Пер. Маршака).

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 729. Госполитиздат, 1950 г.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. III, гл. X, Госиздат, М. Л., 1930 г.

Писал Бернс в стихотворении «Был честный фермер мой отец»! С этим «наследством» молодой Бернс совместно с братом, с большим трудом собрав немного денег, снимают маленькую ферму. И опять, как в годы детства, целыми днями Бернс работает то на самой ферме, то в поле за плугом, одновременно сочиняя стихи, которые составили в дальнейшем его неуязвимую славу.

Сын бедного фермера сам с ранних лет занимавшийся трудом земледельца, поэт был связан с крестьянством самыми неразрывными узами. Он жил его радостями и интересами, его нуждами и горем.

Поэт изобразил крестьянскую жизнь не как посторонний наблюдатель, подобно поэтам-сентименталистам; он показал крестьянина как социально близкого ему человека, и все, что написано им, искренне, естественно и правдиво.

Карлейль в очерке о Бернсе² указывал на искренность и «неоспоримую атмосферу правды», которые пронизывают творчество поэта. Критик отмечал, что у Бернса нет «...ни неправдоподобного горя, ни радости, ни пустой фантастической сентиментальности». Бернс «писал не со слов молвы, а о виденном им и пережитом, и изображенные им сцены это места, среди которых он жил и трудился»³.

Сам-Бернс в авторском предисловии к кильмарнокскому изданию своих произведений писал, что в своих стихах он «поет о чувствах и нравах, которые ощущал и видел в себе и в окружающих его простых людях, поет на родном их языке»⁴.

И действительно, все, что окружало поэта и было хорошо знакомо ему с раннего детства, получило яркое и правдивое отражение на страницах его произведений. Бернс без прикрас рисует картины современной ему сельской жизни, труд и огдых, заботы и радости крестьян. Он показал в своих стихах поля ржи и ячменя, луга, рощи и живописные берега рек. Вне крестьянской хижинки, вне окружающих ее окрестностей герой Бернса не живет. Здесь он трудится и любит, страдает и веселится.

В изображении Бернсом среды и человека сказалась реалистическая направленность поэта.

¹ My Father was a Farmer.

² Thomas Carlyle. On the Geniùs of the Poet.

³ The Works of R. Burns. Lockhart, Lond., vol. II, p. 14.

⁴ Burns. Poetical Works. Ed. by Ch. Kent, p. 467.

Хотя герой Бернса близко стоит к природе, это не условный «естественный человек», искусственно приближенный к ней. Крестьянин Бернса взят из жизни: это конкретный социальный персонаж в определенных социально-исторических условиях шотландской действительности второй половины XVIII в.

Поэт показал жизнь шотландского крестьянства определенного исторического периода: жизнь шотландских фермеров-арендаторов эпохи аграрной революции и промышленного переворота. Поэт говорит и о непомерности арендной платы и о страхе разорения, преследовавшего фермера, и о нищете и постоянной нужде, которые нес с собой капитализм уже в период своего становления. Бернс уловил и расчленил крестьянской массы и столь характерную для периода аграрного переворота особенность, как трудность для разорившегося фермера найти работу в деревне.

Живя в трудную эпоху становления капитализма, Бернс на себе испытал все последствия, которые нес с собой новый общественный строй; его поэзия ярко отразила трагическое положение шотландского крестьянства, неизбежно разоряемого быстрым ростом этого строя.

Отражением последствий социальных перемен явилось стихотворение Бернса «Разоренный фермер» (Ruind Farmer — 1782). Придавленный нищетой и горем, герой произведения не видит иного выхода, кроме смерти, которая будет ему желанной. «Но куда же денутся тогда мои жена и дорогие дети?» — с болью спрашивает разоренный фермер.

Полно скорби и другое стихотворение поэта «Уныние» (Despondency — 1786), которое начинается словами:

Угнетенный горем, подавленный заботами,
Тяжестью большей, чем я могу снести,
Я сел и вздохнул:
О, жизнь! Ты — беспокойное бремя.
На неровной, утомительной дороге
Для таких несчастных, как я!»

В ранние годы творчества Бернс создает два замечательных стихотворения: «К полевой мыши» (To a Mouse — 1785) и «К горной маргаритке» (To a Mountain Daisy — 1786). В них — не только вздох поэта по поводу разрушения норки полевой мыши и гибели под плугом полевого цветка. В этих стихотворениях Бернс выразил трагическое положение шотландского фермерства, живущего в постоянном страхе полного разорения.

Как в первом, так и во втором стихотворении Бернс использует развернутое сопоставление, в основу которого положена мысль о тяжелой судьбе человека в современном поэту обществе.

Разрушив плугом норку полевой мыши, поэт, обращаясь к зверьку, говорит, что он в своей беде не одинок, что и человека постоянно преследуют горе и нужда. Он в тайном страхе смотрит вперед, в тревоге ожидая завтрашний день, который может принести с собою полное разорение. А раздавленный плугом в поле стебелек маргаритки напоминает поэту о непрочности его положения; и тут же в поле, идя за плугом, он слагает стихи:

И ты, виновник этих строк,
Держись, — конец твой недалек.
Тебя настигнет трозный рок —
Нужда недуг, —
Как на весенний стебелек
Наехал плуг.

(Пер. Маршака).

Так же, как и срезанный плугом цветок, гибнет человек, придавленный нуждой. Такая участь многих ждет, — обобщает поэт. Это была участь простого человека, постоянно борющегося с нуждой и неизбежно разоряемого новым общественным строем.

Быстрое разорение, постоянная нужда, а порою и настоящая нищета, страх за будущее вызывают у Бернса в ранних его произведениях нотки скорби, грусти, подчас неуверенности в завтрашнем дне. Эти печальные нотки на первый взгляд до некоторой степени сближают Бернса с поэтами-сентименталистами. Но, с другой стороны, грусть Бернса носит другой характер, чем у сентименталистов.

Скорбь Бернса, это не скорбь Гольдсмита, постороннего наблюдателя разорения крестьянских масс, вздыхающего об ушедшей патриархальной жизни поселян («Покинутая деревня»). Это и не скорбь Каупера, тоже постороннего наблюдателя совершающегося в мире зла и несправедливости, от которых он прячется в сельском уединении, чтобы не видеть зла и не слушать о нем («Задача»). Скорбь Бернса объясняется страданиями и материальными лишениями самого поэта и той социальной группы, к которым он принадлежал. К ней не причисляются сентиментальные вздохи о прошлом.

Уже в ранний период творчества Бернс понимает, что в мире существует социальная несправедливость: одни — бога-

ты, хотя ничего не делают, другие — бедны, несмотря на то, что всю жизнь трудятся. Уже в эти годы в произведениях поэта налицо понимание существующих социальных противоречий.

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться.

(Пер. Маршака).

Говорит Бернс в «Послании к Дэви» (Epistle to Davie — 1785). Четкое понимание социальных противоречий выступает и в поэме «Страдание — наш удел», где поэт пишет:

Восходит солнце каждый день
Над гладью тех болот,
Где сотни рук на одного
Работают весь год.

(Пер. Щепкиной-Куперник).

Нотки скорби вместе с резким осуждением социальной действительности и признанием ее неприемлемости находим и в поэме «Страдание — наш удел» (Map was Made to Mourne — 1785) и в стихотворении «Разрушение» (Ode to ruin — 1786) и др. Все эти вещи были написаны в годы наиболее трудные в материальном отношении для семьи Бернсов. В стихотворении «Разоренный фермер» поэт изобразил своего окончательно разорившегося отца, два последних были написаны после смерти Вильяма Бернса, которая избила его от долгой тюрьмы. Но нотки грусти и скорби, встречающиеся в ранних произведениях поэта, постепенно исчезают, уступая место бодрому жизнеутверждающему мирозерцанию. Непокорность судьбе, нестибаемость перед нуждой и несчастьями все больше и больше пронизывают творчество Бернса. Так, уже в ранние годы поэзия Бернса, уходя глубокими корнями в народное творчество, приобретает те характерные для нее черты, которые резко отличают ее от поэзии сентименталистов.

Если Крабб изобразил моральную деградацию подавленного нуждой крестьянства, то Бернс, тесно связанный с крестьянством, сумел увидеть живые силы народа. Уже в стихотворении «Был честный фермер мой отец»-поэт с шуткой и задором бросает вызов «злой скряге», судьбе, ставшей поперек его дороги. Пусть у него нет на завтра хлеба, пусть нужна крадет его скудный заработок, он не позволяет своему сердцу «впадать от... невзгод в тоску и меланхолию».

Даже при таких условиях, когда
Надежды нет, просвета нет,
А есть нужда, работа...

(Пер. Маршака).

поэт не унывает. Он готов без усталости работать и насмешливо заявляет: «...хорошо отдохну когда-нибудь под крышкой».

В «Послании к Дэви» поэт, обращаясь к другу, полный сил и бодрости, говорит: «Мы с горем поспорим». Бернс и другу дает наставление:

Смотри же
Найди же

В себе над страхом власть.

(Пер. Маршака).

Нестибаемость перед трудностями, готовность бороться с ними находит яркое выражение в стихотворениях «Снилось мне...» (I dream'd I lay... — 1781); «Меня не устрашить» (To daunt me... — 1788) и в «Послании к Джеймсу Смитту» (Epistle to James Smith — 1785), где Бернс заявляет:

Но говорить о смерти рано.

Полны мы жизнью неустанной,

Давай подыжем парус рваный

Возьмем штурвал,

Чтоб ветер счастья пеной пьяной

Нас обдавал.

(Пер. Маршака).

Однако бодрые духом и веселые крестьяне Бернса резко отличаются от веселых поселян Томсона, счастливых в своей простоте. Жизнь поселян Томсона изображена как тихое, неизменное существование без перемен и движения. Этот сонный мир деревенской жизни, «эдем патриархальной тупости и заботности» противопоставляется развращенному городу.

Крестьяне-труженики Бернса, это прежде всего люди социально оттесненные в обществе, испытывающие постоянную нужду и готовые активно бороться с ней. В окружающем Бернса мире, где так несправедливо поделены «дары», крестьянину-труженику досталась нужда, которая постоянно гнетет его, грозит полным разорением. И герой Бернса готов бороться с нуждой и невзгодами; именно в этой борьбе он нестибаем, бодр и весел.

Бернс верил в живые силы народа, верил в его мощь и бес-
смертие. Эту веру поэт воплотил в аллегорическом образе зер-

на в балладе «Джон — Ячменное зерно» (John Barleycorn — 1782). Тесная связь с фольклором и вера в народ, в его мощь и бессмертие и определили оптимизм берновской поэзии.

Страстный протест против социальной несправедливости ярко проявился в сатирической поэме Бернса «Две собаки» (The Two Dogs — 1786). В реалистических тонах Бернс изобразил два противоположных друг другу мира. Поэт, с одной стороны, рисует жизнь бедного шотландского крестьянина, с другой, — в резких обличительных тонах показывает жизнь пресыщенной, пустой аристократии.

В «безоблачный июньский день» встретились два пса; один по кличке Цезарь, беспечно жил при знатном лорде, другой — Люаф, принадлежал простому крестьянину. Собаки разговаривают о жизни своих владельцев.

Цезарь рассказывает, что его хозяин не имеет никаких забот и праздно проводит свои дни. За словами животного слышится гневный и протестующий голос самого поэта:

Дворянство видит скот в холопах,
Чернорабочих, землекопов...

Видал не раз в приемный день я
Не без сердечного стеснения,
Коль фермер не заплатит в срок,
Как управитель с ним жесток.
Кричит, сажает под арест,
Грозится снять последний крест...
А тот, сняв шапку, стой учтиво,
Дрожи, да слушай терпеливо.

(Пер. Щепкиной-Куперник).

Помещик ведет праздную пустую жизнь, которой поэт противопоставляет полную лишений жизнь бедняка-арендатора. Он должен тяжело работать, чтоб прокормить себя, жену и «малых ребятишек рой». Трудно приходится ему, когда он заболел, так как в этом случае его ждут холод, голод и нищета.

Характерно, что Бернс в своей поэзии уже заговорил о типичном для эпохи промышленного переворота факте, о «невозможности найти работу» в деревне. В этой же поэме Бернс пишет:

....они (бедняки — Л. С.) достаточно страдают.
Бедняк-фермер роет землю,
Сооружает из грязных камней плотину,

Добывает камни и тому подобное.

А когда их настигают тяжелые бедствия,
Как болезнь или **невозможность найти работу**!

....они должны умирать от голода и холода.

В деревне появились свободные рабочие руки: разоренные фермеры-арендаторы ходили с фермы на ферму в поисках заработка. Найти работу удавалось только незначительной части разоренных фермеров. Большая же часть уходила в город, где из вчерашних крестьян и ремесленников рекрутировались первые отряды рабочих.

Правда, Бернс упрощал причины этого факта, (невозможность найти работу), видя их в простом произволе лорда и помещика. Так, в стихотворении «Страдание — наш удел», он говорит:

Видишь, вон там бедное изнуренное существо

(человек. — Л. С.)

Такое униженное, убогое и несчастное,

Которое просит брата на земле

Предоставить ему работу.

Видишь, его надменный и низкий земляк

Отвергает с презрением жалкое прошение бедняка!

Социальные сдвиги в стране способствовали баснословному обогащению крупных лэндлордов. Они способствовали также выделению сельскохозяйственных капиталистов в лице крупного фермерства.

В ранние годы своего творчества Бернс подобно поэтам-сентименталистам еще не замечает социальной дифференциации, социального расслоения внутри самой деревни. Крестьянская масса в поэзии ранних лет творчества поэта выступает как единая и неделимая. В зрелые годы творчества (90-ые) в поэзии Бернса наблюдается иное изображение сельских жителей. Теперь это не единая бедная масса. Бернс уже увидел и наметил ее социальное расслоение. Он показал, что из крестьянской среды начинают выделяться зажиточные и богатые фермеры.

В поэзии Бернса есть ряд стихотворений, где рассказывается о печальной судьбе бедной девушки, выданной замуж за нелюбимого, но богатого человека, нередко старика.

¹ Подчеркнуто нами — Л. С.

¹ Подчеркнуто нами — Л. С.

Горькую долю простой бедной женщины, отданной богатому, поэт мог видеть в жизни; эти мотивы могли быть навязны ему и народным творчеством. Но в стихотворениях Бернса ранних лет говорится о судьбе девушки, отданной в жены вообще какому-то богатому, без указания его социального положения. Кто этот богатый, небольшой помещик или разбогатевший фермер, это не указано. В зрелые годы творчества поэт вносит в свои произведения более отчетливое социальное содержание, отражая факты современной ему действительности.

Характерно в этом отношении стихотворение «Деревенская девушка» (Countrie Lassie — 1792). Молодая доярка Бэсси, у которой много поклонников, собирается выходить замуж. Ей советуют выбирать жениха не торопясь, с умом, главное, же-них не должен быть бедным.

Вот Джонни из Живописной Долины.

Амбар и хлев его полны.

Запомни, прекрасная хлопотунья,

Изобилие разжигает огонь любви!

Почуяет Бэсси старая женщина. Но девушку Джон не интересуется.

Он так любит свои посевы и свой скот.

Что у него не хватит любви для меня.

Отвечает она. Ей гораздо милее другой жених, Робби. Правда, он так же беден, как и она, но ее он любит искренне, и Бэсси не променяет его на Джона и все его богатства (a'his gear).

Перед нами два деревенских жителя; один бедняк, другой имеет много скота, амбар его полон хлебом.

Однако следует заметить, что, хотя Бернс уже видит расхождение в крестьянской среде, но он еще не создает яркого индивидуального характера разбогатевшего обуржуазившегося фермера, поэт только намечает его. Образ лорда и помещика показан куда живее, отчетливее, ярче, чем образ рождающейся новой социальной группы. Бернс и не мог еще создать яркого образа этой новой группы, так как в шотландской деревне она еще не оформилась окончательно. Она только рождалась. Проникновение капитализма в шотландскую деревню по сравнению с английской проходило с опозданием. Шотландская деревня значительно дальше сохранила свой патриархальный облик. Процесс обуржуазивания фермера на-ходился здесь в начальном состоянии.

Та же причина не позволила Бернсу увидеть, а следовательно, и изобразить противоречий и борьбы внутри самой деревни, внутри крестьянской массы. Бернс видит противоречия между лэндлордами и богатыми скваирами, с одной стороны, и крестьянской, фермерской массой — с другой. Но сама крестьянская масса, сама деревня лишена острых противоречий.

Иное, чем у английских поэтов XVIII в. и изображение у Бернса труда. У Томсона труд — веселое занятие; у Крабба — он мучительный и изнуряющий. Бернс же изображает труд так, как может изобразить его только человек, хорошо знающий с трудом. Этот труд тяжел, но он же и доставляет огромную радость. В нем залог морального здоровья и духовных сил героев Бернса.

Однажды я бродил весенним утром

И услышал, как пел веселый пахарь;

В своей песне он говорил о том,

Что никакая жизнь не сравнится с жизнью пахаря в мае.

Пишет поэт в стихотворении «Веселый пахарь» (Lines on a Man ploughing — 1794).

Шагать за плугом душистым майским утром, когда в полях поют птицы — для пахаря большая радость. Любит свой труд и садовник, с зарей принявшийся за работу¹ и прилежная пряха Бэсси, для которой в труде большая радость². Он доставляет ей куда большее удовольствие, чем мишура и позорный блеск — богатым.

Но изображение Бернсом труда как занятия, доставляющего человеку радость, не есть идиллическое приукрашивание труда. В этом проявляется, прежде всего, умение здоровой натуры наслаждаться трудом и природой. Труд и природа доставляют человеку-труженику такую же радость как и сердечная привязанность. Во-вторых, изображая любовь деревенского жителя к труду, поэт подчеркивал высокие моральные качества крестьянина, утверждая его как положительного героя литературы.

Бернс рано испытал на себе социальное зло и познал всю тяжесть труда в обществе, где «сотни рук на одного работают весь год». В мире, где царит социальная несправедливость, бедному человеку приходится тяжело и много работать. И уже в ранние годы своего творчества поэт пишет об этом.

¹) When Rasy May Comes in wi' Flowers—1790.

²) Bess and Ner Spinning—Wheel—1792.

Так, в «Послании к Дэви», говоря о себе, о своем друге и о подобных им бедных людях, Бернс отмечает, что труд их далеко нелегкий. Они

...**тяжело работают**; с рассвета до темноты»
непрестанный тяжелый труд¹.

Даже в единственной по своему духу идилической поэме «Субботний вечер поселянина»² поэт называет сельских жителей «сынами деревенского тяжкого труда». Таким же изображается труд в поэме «Две собаки», где жизни богатых противопоставлена жизнь бедных. Для последних

С утра до вечера — только тяжелый труд¹,
Изнеможение под лучами солнца.

И только для того, чтобы господа поели жирно.

Бернс делит все общество на бедных и богатых, в основном на крестьян-тружеников и, праздно проводящих время лэндлордов, сквайров. Первые «с утра до темноты» проводят дни в работе, вторые — «в бездельи, в похмелие».

Удел одних — тяжелый труд,
Удел других — разврат².

Говорит поэт.

Бернсу ненавистны представители имущих и привилегированных, которые враждебны крестьянству. Он глубоко презирает тех, кто надменно смотрит «на грешный люд», кто не считает бедняка за человека.

Вы, что по правилам живете,
В тиши, в довольстве и в почете.
Пускай безумным вы зовете
Меня подчас,
Вода стоячая в болоте —
Душа у вас.

Говорит поэт в «Послании к Смиуту» (1785), обращаясь к богатым. Он знает круг интересов и желаний этих господ: лорды любят жирно поесть, члены парламента мечтают о титулах, премьеру Питту нужен орден Подвязки.

Что же касается самого поэта, которого судьба наградила дешевым кафтаном и убогим домом, то он просит провидение сохранить ему разум и талант, да дать «обеду какой попало, простой на вкус».

¹ Подчеркнуто нами — Л. С.

² The Cotter's Saturday Night — 1785.

³ Подчеркнуто нами — Л. С.

⁴ Epistle to Davie.

Та же неприязнь к аристократической верхушке выступает и в «Послании к Дэви», где Бернс резко критикует жизнь «господ, одетых в шелк или атлас», в стихотворении «Честная бедность», в поэме «Две собаки», в кантате «Веселые нищие» и многих других.

Резко критикуя представителей имущих и привилегированных слоев общества, Бернс все свои симпатии отдает простому народу. На стороне бедных и социально униженных — горячая любовь поэта. Любимый герой Бернса — либо бунтарь (Macpherson's Fagewell — 1787, The Jolly Beggars — 1785), либо, и это большей частью, крестьянин-труженик, неутомимый фермер-землепашец. Он крепко привязан к земле упорно трудится, возделывая ее.

Крестьяне-труженики Берна, это прежде всего люди социально отнесенные в обществе, испытывающие постоянную нужду и готовые активно бороться с ней. Бернс неизменно с горячей симпатией и большой любовью пишет о человеке труда. Поэт правдиво рассказывает о его страданиях и радостях, о его мыслях и переживаниях. Искренне и задушевно повествует он о богатом внутреннем мире своего героя, противопоставляя высокие моральные качества бедняка духовной опустошенности богатых. В творчестве Бернса мы видим утверждение нового для литературы положительного героя, крестьянина-труженика. Поэт неизменно рисует своего героя человеком большой силы чувства, изображает его правдивым по отношению к таким же труженикам, как он сам, искренним по отношению к любимой. Для героя Бернса радость труда и радость любви не сравнимы ни с чем. Желания его скромны, естественны и человечны. Они наиболее полно выражены в стихотворении «Девушка из Баллохмеля» (The Lass of Ballochmyle — 1786).

О, будь крестьянин я простой,
Она ж крестьянкой, мне подружкой,
Я счастлив был бы нищей
И самой бедною лачужкой, —
Зимою, в стужу, и дожди.
Трудясь с восторгом дни, недели,
Чтоб ночью прижимать к груди
Красавицу из Баллохмэля.
И пусть себе, кто хочет — тот
Путь скользкий к славе ставит целью,
Пусть жажда золота влечет
К индийской шахты подземелью, —

А мне — пахать, пасти стада.
Чтоб сосны надо мной шумели
И чтоб со мной была всегда
Красавица из Баллохмэля.

Если Крабб изобразил крестьянина до конца замученным нуждой и потерявшим человеческий облик, то Бернс, во-первых, изобразил крестьянина с высокими моральными качествами, во-вторых, показал его как человека, осознавшего свое личное достоинство. Крестьянин Бернса презирает своих притеснителей и протестует против рабства и угнетения; он кормит себя трудами своих рук, никому ничем не обязан и не желает мириться с угнетением. Классовая гордость человека, социально-оттесненного, но осознавшего свое личное достоинство, красной нитью проходит через все творчество поэта. Она получила наиболее яркое выражение в стихотворении «У меня есть жена»¹, герой которого гордо заявляет, что никому не будет рабом.

Бернс предстает перед нами как талантливый бытописатель и певец шотландского крестьянства. Все, что относится к деревенской жизни, получает яркое выражение в его поэзии. И о чем бы он не писал, он всегда повествует с большой человечностью, с глубоким сочувствием к радостям и страданиям простых людей. С неподдельной любовью к человеку труда, с неподкупной искренностью рассказывает Бернс о деревенской жизни. Все процессы крестьянского труда, все элементы быта фермера-землепашца получают правдивое и яркое изображение в его поэзии. Работа в поле, в саду, огородах, веселье, деревенские обычаи, сватовство, разлука, ожидание, радость встречи, свидание среди колосьев ячменя — таковы темы бернсовских песен.

Среди героев Бернса мы видим пахаря, шагающего за своим плугом в солнечный майский день, трудолюбивого садовника, который с ранней зарей берет в руки лопату, пряжу, прилежно занятую своим трудом, молодую доярку, размечтавшуюся о замужестве, солдата, возвращающегося после войны в деревню к своей возлюбленной, и пастуха, пасущего стадо на берегу реки, и идущую со свиданья через росистую рожь молодую девушку. Все эти пахари, пряжи, доярки, пастухи и пастушки — это простые деревенские жители, окружающие поэта с ранних лет.

¹) I hae a wife o my ain — 1788.

Если описываемые автором события имели место в действительности, то изображенному персонажу часто соответствовал реальный прототип.

Характерно, что в противоположность поэтам-сентименталистам крестьяне Бернса большей частью индивидуализированы. Почти все они имеют собственные имена. Герои Бернса — это не вообще поселяне, как например, у Томсона, Грея, Гельдсмита, а это Нелли, Пэгги, Робби, Нэнси, Вилли, Мэри, Джин, Дэви, Элиза и т. д. и т. д. Это те самые деревенские жители, среди которых жил и трудился поэт, он видел их и общался с ними каждый день. Нелли, это та юная красавица, которая когда-то жала с Бернсом рожь, Джин — это неоднократно воспетая поэтом его верная жена и подруга, а Дэви — его друг.

Иногда Бернс не называет имя своего героя, но тем не менее он имеет в виду какую-то конкретную личность. Так в «Разоренном фермере» и отчасти в «Субботнем вечере посещения» поэт выводит своего отца, в «Босой девушке» — встретившуюся ему на одной из улиц Дамфриза незнакомку, поразившую его одновременно юной красотой и убожеством одежды. Воспетые Бернсом в ряде стихотворений *Bonny Lassies* — это те шотландские девушки, которых он встречал на соседних фермах.

Индивидуализированы крестьяне Бернса и в показе их личных специфических для каждого отдельных качеств. Бернс не только интересный рассказчик, он тонкий психолог. С большим умением раскрывает поэт богатый внутренний мир своих героев. И сколько искренности в его словах, повествующих о горестях, радостях и тревогах простого человека. Это и не удивительно: Бернс говорит о чувствах своих и окружающих его, близких ему по положению людей.

Крестьяне Бернса — люди высоких моральных качеств: они трудолюбивы, честны, справедливы, искренни. Но внимательный наблюдатель и тонкий психолог, поэт не мог не видеть, что каждый человек имеет индивидуальные черты и особенности, характерные только для него. И правдиво изображая сельских жителей, он показывает каждого из них со свойственными ему этими чертами и особенностями.

Бернс создал целую галерею женских образов. Среди них — сварливые и простодушные, рассудительные и порывистые, надменные и нежно любящие, верные и предавшие в своих чувствах. И ни одна из героинь не повторяет другую.

Вот лукавая, и решительная героиня небольшой песенки

«Свистни...»¹. Она не боится брани ни отца, ни матери и поучает своего милого приходить к ней с черного крыльца, чтобы никто не видел.

Прямая противоположность ей — другая девушка, необыкновенно рассудительная, героиня песни «Ночной разговор»². На просьбу возлюбленного вступить его в дом, так как он промок и замерз под дождем и ветром, девушка отвечает:

Тебе ни дождь, ни снег, ни град
Не помешал попасть в мой сад:
И значит можешь путь назад
Ты без труда найти.

А вот еще одна героиня, сварливая и безжалостная женщина Шелла О' Нил³, от которой муж вынужден уйти в солдаты.

Бернс, раскрывая внутренний мир своих героев, показывает гамму различных настроений от бурного веселья до печали. Герои Бернса по-разному радуются или печалются, по-своему проявляют одни и те чувства. Вот влюбленный Дункан Грей⁴ приехал сватать Мэг, но получил резкий отказ. Однако, Дункан и не думает унывать. «Я не дурак, чтобы уметь из-за надменной девчонки», говорит он. Но вот перед нами другой герой, персонаж песенки «Синеглазая девушка»⁵. Он по-другому проявляет свое чувство. Если красавица откажет ему в своей благосклонности, то он не переживет этого.

Крестьяне Бернса — это живые люди со свойственными для каждого из них чертами характера, с разнообразным духовным миром.

В этой широте охвата жизни со всем ее многообразием, в разнообразности показа человеческих чувств и ощущений сказались реалистические тенденции творчества Бернса.

Бернс — большой мастер портрета. Создавая портреты своих героев, поэт или пользуется яркими красками, живописно передавая внешний облик человека, или делает несколько скучных мазков, достигая, однако, и в этом случае не меньшей яркости портрета. Первым способом поэт пользуется чаще при создании женских портретов, особенно деревенских де-

¹) Whistle, and I'll come to you my Lad—1788.

²) O Lassie, art you Sleeping yet—1790.

³) Shelah O'Neil—1796.

⁴) Duncan Gray—1792.

⁵) The Blue-eyed Lassie—1790.

вушек, для которых поэт не жалеет нежных красок. Кистью умелого художника создает Бернс портреты, используя только одну или две краски, нанося ими несколько скучных штрихов. Эту особенность мастерства поэта отмечал критик Карлейль, указывая, что достаточно трех строк, написанных Бернсом, и перед нами портрет!

Несколько скучных штрихов, коротеньких строчек, и перед нами образ Джени, возвращающейся вечером со свидания через росистую рожь и замочившей росой платье (Coming through the rye—1794). Очень скупо, только одним штрихом достигает Бернс яркости внешнего облика другого своего героя, мельника (Heu the Dusty Miller—1788) штрих этот — указание автора на то, что мельник весь в мучной пыли.

Умелое употребление слова «пыльный» (dusty) в качестве единственной характеристики героя, его одежды, мешков, которые он таскает, даже поцелуя, полученного от него, настойчивое повторение этого слова рисует в воображении читателя белого от мучной пыли, но веселого человека, что подчеркивает и ритмом стихотворения, чеканным, отчетливым, зазорным.

Персонажи бернсовской поэзии живут и действуют не только в исторически конкретной, но и в определенной материальной обстановке. Жизнь героев протекает не только среди людей, в обществе, в социальной среде; они также окружены материальной средой, животным и растительным миром.

В изображении мира животных проявляется необыкновенная человечность и гуманность Бернса. Редкий поэт умел так чутко относиться к населяющим мир существам.

Сколько сострадания и неподдельного сочувствия в словах, обращенных к полевой мыши, чью норку разрушил плуг во время пахоты. Поэт озадачен: где же холодной зимою найдет теперь приют этот юркий, проворный зверек? В стихотворении «Смерть Мэйли, любимой овцы поэта»¹ за слегка шутливым тоном кроется искренняя жалость к погибшему в петле животного. Большой, подлинной гуманностью проникнуто другое стихотворение поэта, названное «О подбитом зайце, проковылявшем мимо меня»².

В поэзии Бернса представлен богатый и разнообразный

¹) Thomas Carlyle. On the Genius of the Poet. p. 18.

²) The Death and Dying Words of Poor Mailie, the Author's only, Pet Yowe—1782.

³) Verses on Seeing a Wounded Hare Limp by Me which a Fellow Had just Shot—1789.

внешний мир, окружающий человека. Показан он правдиво и ярко.

В изображении Бернсом мира вещей, материальной среды проявляется стихийный материализм поэта. Если в поэзии сентименталистов природа была представлена как носительница вечной красоты, отражение божества на земле, то Бернс изображает природу как объективную вне человека и независимо от него существующую реальность.

Также в отличие от поэтов-сентименталистов Бернс изображает конкретные пейзажи. Они всегда точны и детализированы.

Бернс предстает перед нами как художник, любящий и почитающий природу. Как прекрасны берега шотландских рек и сами реки, неоднократно воспеты им в поэзии — Эйр, Нит, Ди, Дун, тот самый Дун, на берегах которого прошло его раннее детство! Чудесные строки поэт посвящает водам Эфтона, который вызывает в нем воспоминание его юношеского увлечения (Afton Water — 1786).

А как хороши золотые нивы, поля ржи и ячменя, луга и рощи! Как красивы в садах розы и в полях летние цветы! И все это нарисовано кистью умелого, большого художника. Поэт описывает весну, лето, осень, зиму, и везде он находит особые краски и оттенки.

Ни малейшая подробность не ускользает от внимания поэта, он все видит, все подмечает. Бернс тонко чувствует и понимает природу. Все в ней достойно внимания; ко всему он присматривается, ко всему прислушивается. Поэт видит, как золотится жатва, слышит как шумят хлеба, он замечает и бегущую волну рожь и смятую плугом на склоне маргаритку. Поэт видит, как блестят капельки росы на листьях, как в пору сенокоса на холмах белеет клевер; он слышит, как поют жаворонки, как плещет вода в реке. Слух поэта улавливает и легкий шелест листьев, и еле слышный шорох вспорхнувшей в кустах птички.

Поэзия Бернса рождает видимость форм и ощущение запахов. «Когда читаешь стихи и песни Бернса, кажется, что погружаешься в большую охапку ароматных полевых цветов. Поэзия Бернса овевает мятой и медом, она светится солнцем и здоровьем»¹, — отмечал советский поэт Вас. Лебедев-Кумач.

Роберт Бернс — большой и опытный мастер. Все написанное им — ярко, живо, задушевно и убедительно. О чем бы поэт не рассказывал, всему хочется верить: идет ли речь о нужде бедного крестьянина или о свидании влюбленных, читатель верит

всему, горячо сочувствует героям Бернса, печалюсь и радуясь вместе с ними.

Все, что изображает поэт словом, будь то события, люди или природа, приобретает ошутимость форм и размеров. Как сираведливо заметил один из современников поэта, «произведения Бернса имеют физическую убедительность»!

Иная, чем у поэтов-сентименталистов и форма бернсовских произведений. Сентименталисты в своем творчестве обычно использовали описательно-дидактическую поэму. Принцип композиции этого жанра заключается в последовательном описании событий, иногда какого-нибудь ремесла или занятия, иногда времен года. Поэт занимал при этом позицию постоянного наблюдателя.

Бернс же не посторонний наблюдатель, а непосредственный участник происходящего и изображаемого. Поэт не только видел, но и сам испытывал и гнетущую нужду, в которой жило шотландское крестьянство, и страх разорения, и опасения за завтрашний день. Он сам познал и тяжесть труда и радость товарищеского общения, и счастье любви и горечь разлуки.

В своей поэзии Бернс рассказывает о нужде фермера, о маленьких радостях сельской жизни, прославляет скромных тружеников и их простые радости, неиссякаемые силы народа и своеобразную природу Шотландии.

Бернс изображал жизнь окружающих его простых людей и свою собственную, изображал во всем ее многообразии и изменениях. Поэзия Бернса носит не холодно описательный, а живой повествовательный характер. А чтобы рассказать обо всем этом, статичное описание было непригодно. Автору требовалось динамическое повествование о поступках, действиях, событиях, человеческих чувствах и т. д.

Содержание произведений Бернса определяет их форму. По содержанию — это гимны труду, любви, природе. По форме — это поэмы, баллады, чаще песни, строй и язык которых близок к народным. Частое употребление песни свидетельствует об особой симпатии Бернса к одному из наиболее распространенных видов устного народного творчества. Лирическая песня — любимейший жанр поэта. Песни Бернса необыкновенно поэтичны и выразительны. В них переданы всевозможные оттенки человеческих переживаний. Часть бернсовских стихотворений написана на литературном английском языке; в ряде произведений наличествует небольшая примесь слов, взятых из

¹ Essays by six contemporary writers... Glasgow, 1947, p. 63.

шотландского диалекта, последний господствует в лирических песнях поэта. Следуя традиции патристической литературы¹, возникшей в Шотландии в XVIII в. Бернс воскрешает для жизни в искусстве протонародный говор. Широко употребляя шотландский диалект в своих произведениях, поэт делает их более доступными для широких народных масс Шотландии.

Поэзия Бернса отличается ясностью и четкостью мысли, гибкостью и выразительностью речи. Язык поэта яркий, красочный, эмоциональный, в то же время простой и понятный самым широким массам народа.

Бернс широко употребляет эпитеты, которые часто носят употребивший традиционноподобный характер. Девушки у поэта обязательно прекрасные, ручьи хрустальные, горы дикие, ночь печальная, май ласковый, буря сердится, шея лебединая, губы ароматные и т. д. (bonny Lassies, crystal streams, wild mountaintains, gloomy night, sweetest may, angry storm, swan-like peck, balmy lips). Часто прибегает Бернс и к аллегориям, столь характерным для устного народного творчества.

Многообразна рифма бернсовских произведений, своеобразна и неповторим их ритм. Основа его — в музыкальном напеве; он то особо протяжный, то звонкий и чеканный.

Напевность и музыкальность — характернейшая особенность языка поэта. Как заметил критик Карлейль, произведения Бернса «не претендуют быть положенными на музыку; фактически они сами — музыка. Они сформировались и ожили благодаря

¹ В XVIII в. шотландский язык окончательно перестал быть языком национальным, заняв место диалекта. Книги на шотландском языке не появлялись уже с конца XVI в. Языком церкви, литературы и всей общественной жизни был английский.

Но в то же время, в особенности после слияния шотландского и английского парламентов в 1707 г., возникает патристическая литература, которая старается воскресить для жизни в литературе шотландский диалект. Родоначальниками этой литературы были шотландские поэты Аллан Рамзей (1686—1758) и Роберт Фергюссон (1750—1774).

Однако до Бернса употребление шотландского диалекта в литературе было весьма робким. В 1775 г. выходит трехтомный сборник "Poems, written chiefly by Scottish authors". Почти из 200 произведений, содержащихся в этом сборнике только 32 были написаны на диалекте. В 1788 г. вышли "Poetical Essays" Turnbull'a. Сборник состоял из 5 отделов: элегии, пасторали, оды, поэтические эссе на шотландском диалекте и песни. Из пяти видов произведений диалект нашел употребление только в одном.

Произведения шотландских поэтов Михаила Брюса (1676—1767) и Томаса Блэклокка (Thomas Blacklock, 1721—1791) были написаны на английском языке.

ря гармонии, подобно поднявшейся с морского дна Венере»¹.

Мелодичность и напевность бернсовских произведений способствовала быстрому распространению их среди народа. Они сразу же подхватывались односельчанами поэта, распевались, выносились за пределы округа, распространялись по всей Шотландии.

Писал Бернс свои произведения обычно на какой-нибудь мотив, или им сочиненный, или где-нибудь услышанный.

На склонах

зеленых

Случайно подберем

Мотив мы

А рифмы

Придут к нему потом.

(Пер. Маршака).

Говорил поэт о своем творческом методе в «Послании к Дэви».

«Пока я полностью не овладею мотивом, — писал поэт, — пока я не спою его насколько умею петь, я не могу сочинять стихи»².

Каждая песня и почти каждое его стихотворение, которое по сути является песней, имеет свой мотив. В старых изданиях произведений Бернса он неизменно помечался почти к каждой песне³. Потому что произведения Бернса неразрывно связаны с мелодией, они всегда напевны. И настолько мелодичны, что когда читаешь их, невольно возникает желание, даже какая-то необходимость, петь их; незаметно, само собой рождается мелодия.

Песни поэта, выросшие на народных мотивах и поднятые им на большую художественную высоту, опять вошли в народ и крепко в нем держатся.

Члены советских делегаций Б. Полевой, А. Софронов, А. Сурков, посетившие Шотландию в 1953, 1954, 1955 гг. рассказывают, что стихи и песни Бернса звучат повсюду. Их свято хранят в памяти, помнят наизусть простые шотландцы, даже неграмотные старые люди. «Везде, где собираются люди, чтобы вместе провести вечер...», — пишет Сурков, — вы обязательно услышите звучащие молодое и современно стихи Бернса, разлива-

¹ Thomas Carlyle, On the Genius of the Poet.

The Works of Robert Burns. Ed. by Annandale, vol. II, p. 21.

² Цит. по кн.: «Роберт Бернс в переводах С. Я. Маршака», М., 1952, стр. 20.

³ После названия песни стояло указание, на мотив какой песни, бывавшей в народе, она написана.

ющиеся мелодией своеобразной шотландской песни. И когда шотландцы кончают собрание или большой уличный митинг, запевают волюнки, люди берутся за руки и поют слитно, дружно песню Бернса, прославляющую благородное чувство человеческого дружбы»¹.

Высокая музыкальность стиха Бернса, построение, рассчитанное на песни, наряду с глубокой лиричностью и задушевностью ставят Бернса как художника на одно из первых мест в английской литературе.

Пессимизм, характерный для сентименталистов, был чужд творчеству поэта. Его поэзия, глубоко уходя в жизнерадостный, брызжущий весельем, здоровым юмором фольклор, унаследовало от него эти черты. Творчество Бернса оптимистично и жизнеутверждающе.

Роберт Бернс — народный певец, отразивший в своей поэзии чаяния и нужды широких масс Шотландии. Подлинное знание народа, глубокое проникновение в психологию крестьянства, сочувствие его труду, его горестям и радостям, блестящее использование фольклорной поэтики характеризует демократическую поэзию Бернса.

Творчество Роберта Бернса несколько не устарело ни для шотландского народа, до сих пор распевающего его песни, ни для нас, умеющих ценить красоту и мудрость подлинно народной поэзии.

И. А. ФИГУРОВСКИЙ,
доцент, кандидат филологических наук

НАДПИСЬ НА ЛУКЕ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Во время одной из недавних раскопок в Старой Ладоге археологическая экспедиция под руководством В. И. Равдоникаса нашла обломок древнего лука, на котором В. И. Равдоникас обнаружил надпись. К сожалению, фотоснимок этой находки, хранящейся в Эрмитаже (Ленинград), пока не опубликован. Но мы можем, пользуясь любезным разрешением В. И. Равдоникаса, предложить исследование надписи, основываясь на прописи, которая сделана по фотографии.

Прежде чем приступить к исследованию надписи, считаем необходимым сделать следующие замечания.

В настоящее время установлено, что культура восточнославянских племен к моменту образования Киевского государства была совсем не простой и элементарной, как думали одно время, а наоборот довольно высокой. Восточнославянские племена имели сложное хозяйство, в котором большое значение имели земледелие и скотоводство и серьезным подспорьем были охота и рыбная ловля. Широко были распространены кузнечное и гончарное ремесла. В X—XIII вв. в древней Руси были тысячи кузниц, в которых изготовлялись разнообразны кованые изделия: мечи, кольчуги, шлемы, сошники, замки и пр. Русское оружие отличалось высоким совершенством. В обработке цветных и благородных металлов русские мастера проявляли подлинную виртуозность. Известно было производство стеклянных вещей — посуды, браслетов, бус. Восточные славяне умели вырабатывать ткани с сложным узором, одноцветным и многоцветным. До нас дошел ряд договоров, показывающих, что Русь вела обширную, организованную торговлю с другими странами. Договор с греками 911 года предусматривает такие случаи, которые могли быть подмечены лишь при достаточно длительной торговле. Высокое развитие древнерусского лите-

¹ «Огонек», 1953, № 33, стр. 25.